

Глава 31. Легкость облика, не знающая страсти

— Весь этот месяц тебе придется сидеть на одних отварах, ничего мясного или жирного. И... справлять нужду поначалу будет больно. Я уже составил рецепт, чтобы облегчить этот процесс, чуть позже попрошу кого-нибудь сходить в лавку за травами. Главное — продержаться первые несколько дней, потом станет легче... — Янь Нанью говорил ровным, успокаивающим тоном. Он отжал влажное полотенце в тазу и, закатав рукава, осторожно отер лицо Те Сюаня.

Тот лежал неподвижно и смотрел на него совершенно бесстрастно. Нанью, заметив это спокойствие, невольно нахмурился.

— Те Сюань, если тебе паршиво — так и скажи. Не стоит строить из себя героя и доводить себя до полусмерти из-за того, что случилось. Ты мужчина, в конце концов.

— Я в порядке. Просто... мне нечего сказать, — Те Сюань вдруг коротко, невесело усмехнулся.

Нанью вздрогнул от неожиданности. Он внимательно всмотрелся в лицо кузнеца, боясь увидеть в нем признаки помешательства, но взгляд того был ясен.

— Я просто кое-что осознал. В один миг.

Янь Нанью облегченно выдохнул, но полотенце из рук не выпустил.

— Прости, я, наверное, был слишком резок. Кто бы ни оказался на твоём месте, любому было бы трудно сохранить лицо.

Те Сюань был бледен как полотно — по одному его виду было ясно, насколько тяжелы раны, — но он лишь едва заметно покачал головой.

— Брат Янь, скажи... ради чего люди живут?

Нанью тяжело вздохнул.

— Те Сюань, я всю жизнь стремился лишь к покою. У меня нет великих стремлений или одержимостей.

Те Сюань вдруг лихорадочно блеснул глазами.

— Брат Янь, а то, что между тобой и братом Цином... это разве не одержимость?

Этот вопрос явно застал Нанью врасплох. Он выглядел непривычно замешанным.

— Это... — он замялся, подбирая слова. — Мы слишком много прошли вместе. Если и есть у меня сейчас цель, то лишь одна: вылечить Янь Цина. Я слишком многим ему обязан.

— Брат Янь, я не знаю вашего прошлого, — тихо проговорил Те Сюань, — но ты ведь любишь его, правда?

Кузнец говорил так, будто погрузился в собственные мысли, задавая вопросы один за другим, и Нанью почти не находил, что ответить.

— Конечно, люблю, — горько усмехнулся он. — Ладно, раз уж всё зашло так далеко, нет смысла отпираться. Раньше Янь Цин был совсем другим. У него не было никого, кроме меня. Я любил его, но не мог выносить того, как он пытался распоряжаться моей жизнью, как дергал за ниточки. А потом случилось столько всего... Единственное, о чем я по-настоящему жалею — это о смерти отца. Я никогда не забуду, что он погиб из-за нас с Янь Цином. Этот груз всегда со мной.

Нанью на мгновение замолчал, глядя в пустоту.

— Но отец мертв, а Янь Цин жив. Сейчас он безумен, и это лишь немногим лучше смерти. Каждый раз, когда я смотрю на него, я виню себя. Если бы не я, он бы не стал таким жалким. Когда-то он мог заставить всё Поднебесье содрогнуться одним словом. А сейчас? Весь день сидит в комнате и ждет, когда я вернусь домой... Мне и радостно от этого, и невыносимо больно. Я мечтаю исцелить его, но в то же время боюсь... Боюсь, что он снова станет прежним — тем, кто любит меня, но при этом вечно плетет интриги и всё просчитывает наперед. И всё же я не могу сдаться. Надеюсь, что однажды он снова станет тем гордым и блистательным человеком, каким был когда-то.

Те Сюань с изумлением слушал эту исповедь. Он и не подозревал, какая буря бушует в душе вечно холодного Янь Нанью.

— По крайней мере, вы любите друг друга, — наконец вымолвил он. — А я... я всегда знал, что мне ничего не светит. Даже не смел надеяться. Теперь же я окончательно похоронил эти мысли.

— Те Сюань, прошлое осталось в прошлом, — мягко произнес Нанью, окончательно успокоившись. — Если ты принял решение — это к лучшему. Искренность не всегда способна растопить лед, как бы нам того ни хотелось.

— Я просто не хотел в это верить, — кузнец болезненно усмехнулся. — Оттого и поплатился. Брат Янь, Цинь Вань такой красивый... Не знаю почему, но я полюбил его с первого взгляда. Даже зная, что он за человек, понимая, что в душе он ведет свои расчеты, я всё равно верил: если буду предан ему всем сердцем, однажды он... Ну, пусть не полюбит, но хотя бы станет относиться ко мне искренне. Мне бы и этого хватило.

Нанью не перебивал его, лишь сочувственно вздохнул.

— Брат Янь, я словно был в дурмане. Что бы он ни творил, я всегда вспоминал нашу первую встречу. Как он помог мне, как улыбался... Стоило ему хоть каплю тепла проявить, я потом полдня ходил счастливый, — голос Те Сюаня становился всё более горьким. — Чжэньчжэнь влюблена в него, и я не виню её. Она хорошая женщина, верная. А я... я косноязычный, не умею красиво говорить или угождать. Цинь Вань выше меня по положению, он богат, образован — неудивительно, что она выбрала его. Но когда я услышал, что он к ней безразличен, я... я действительно обрадовался. Наверное, я тоже не самый лучший человек.

— Не говори так, — покачал головой Нанью. — Если бы чувства были подвластны логике и великодушию, мир не знал бы стольких терзаний и разбитых сердец.

Те Сюань закусил губу, сдерживая подступившие слезы.

— Старший Тысячерукий Будда предупреждал меня. Говорил, что Цинь Вань сблизился со мной не просто так. Я и сам понимал: с чего бы такому, как он, набиваться мне в братья? Он твердил, будто мы родственные души, но я вечно не знал, о чем с ним говорить. Он рассуждает о поэзии и живописи, а я только и умею, что железо ковать. Мы люди из разных миров, я знал это всегда. Но всё равно не мог смириться. Даже когда понял, что это он виноват в смерти моего учителя... я всё равно, как дурак, просил его покаяться и исправиться... Глупо, правда?

Янь Нанью долго молчал, прежде чем ответить:

— Те Сюань, любовь возможна лишь между равными. Если один возвышается над другим или один бесконечно сильнее — добром это не кончится.

Те Сюань часто моргал, борясь с собой, но так и не позволил слезам упасть.

— Я понял, брат Янь. Понял. Всё это время я тешил себя иллюзиями, а теперь... Глава Ян, должно быть, подсыпал Цинь Ваню какой-то препарат. Надеялся, что тот ублажит меня, и я в благодарность отдам карту сокровищ. Если бы я в ту ночь действительно проявил твердость и не поддался... я бы сейчас здесь не лежал.

При этих словах Янь Нанью странно посмотрел — он словно хотел рассмеяться, но сдержался, сохранив привычную холодную маску.

— Ты? Проявил твердость? Вот уж было бы чудо!

— В том, что случилось потом, я Цинь Ваня не виню. Он этого не хотел, — Те Сюань прикрыл глаза. — Когда он пришел в себя, я был в сознании. Я всё чувствовал и слышал. Он был в ужасе... а я даже глаз не смел открыть. Не знал, как смотреть ему в лицо. Что ж, он поступил честно. Раз не любит — не стал оставлять даже тени надежды. Просто ушел...

Кузнец самоиронично усмехнулся:

— Теперь я знаю наверняка: когда ты безразличен человеку, что бы ты для него ни делал, в его глазах ты — лишь грязная лужа у обочины. На которую даже смотреть противно.

Нанью снова отер его лицо.

— Те Сюань, я обещаю: я добьюсь для тебя справедливости.

— Брат Янь, я благодарен тебе, — Те Сюань посмотрел на него с искренней признательностью.

— Но не нужно. Больше я такого человека, как Цинь Вань, не встречу. Его манеры, его речи... он был воплощением моей мечты. Но я устал. Я не могу больше так глупо растрачивать жизнь. Последней волей учителя было создать Семицветный клинок. Его дух на небесах всё еще ждет, когда я исполню этот долг. Думаю, когда поправлюсь, я отправлюсь в странствие, как и он когда-то. Пусть это займет годы — я найду лучшие материалы и выкую этот клинок.

— Брат Янь, как думаешь, у меня получится? — Те Сюань слабо улыбнулся.

Нанью встретил его взгляд и уверенно кивнул:

— Клинок — вещь неодушевленная, жизнь в него вдыхает мастер. Если есть воля, то и железный пест можно сточить в иголку.

Раздался резкий свист, и Цинь Вань едва успел отпрянуть. Тонкая серебряная игла просвистела у самого его уха, оставив на щеке кровавый след. Эта игла, не толще человеческого волоса, обладала такой сокрушительной силой, что, пролетев мимо цели, на три цуня вошла в каменный пол и еще долго вибрировала, издавая тонкий гул. Любой мастер боевых искусств пришел бы в ужас, осознав, что внутренняя сила Ян Муяня достигла поистине божественных пределов.

— Глава, — вкрадчиво проговорила Яоцзи, мягко массируя плечи Ян Муяня, — Цинь Вань, конечно, виноват, но он уже получил свое наказание. Стоит ли так убиваться из-за того, жив тот кузнец или мертв?

Ян Муянь иронично покосился на нее, и та мгновенно прикусила язык.

— Цинь Вань, а ты хорош, ничего не скажешь. Когда мы покидали Долину Спящего Дракона, ты так уверенно раздавал клятвы, бахвалился, что это плевое дело... И что теперь? Мне, главе Учения, приходится лично разгребать твоё дерьмо... — Голос Ян Муяня звучал неспешно и ровно, в нём нельзя было уловить ни гнева, ни симпатии, но Цинь Вань чувствовал, как внутри всё натянулось, словно тетива.

— Глава, — Цинь Вань вскинул голову. Лицо его, до того бледное, вспыхнуло румянцем. — В чем бы ни заключалась моя вина, я не заслужил того, чтобы мною пользовались как дешевой подстилкой. Кем вы меня считаете — своим советником или шутком для чужих утех?

Ян Муянь вскинул бровь:

— О как? Заговорил? Значит, это ты затрахал бедного Те Сюаня так, что он месяц будет на одних помоях сидеть, и у тебя еще хватает наглости жаловаться мне на судьбу?

Цинь Вань всё-таки был книжником, и такая грубость задела его за живое. Если до этого он стоял, опустив голову, то теперь выпрямился во весь рост.

— Глава, я обязан вам жизнью и лишь поэтому согласился служить Учению... Если бы вы доверяли мне больше, я бы уже давно исполнил ваше желание без этих грязных методов...

Ян Муянь вдруг расхохотался.

— Цинь Вань, ты и правда думаешь, что вокруг одни идиоты? Неужели ты возомнил, что в Учении Тай-и без тебя некому дело делать?

Цинь Вань глубоко вдохнул и глухо произнес:

— Я не смею так думать.

— Не смеешь? — Ян Муянь холодно усмехнулся. Он небрежно достал из-за пояса роговую расческу и принялся ласково поглаживать её, отчего Цинь Вань на мгновение оторопел. — Цинь Вань, ты действительно талантлив...

Советник замер, ожидая новой колкости или удара, но Ян Муянь вдруг сменил тон, что сбило Цинь Ваня с толку еще больше.

— Если сравнивать тебя с Цянь Линем... в боевых искусствах вы, может, и равны, но у тебя есть то, чего не было у него — изворотливый ум. Я ничуть не удивлен, что он погиб от твоей руки.

Ян Муянь пожал плечами с видом полнейшего безразличия. Цинь Вань, который и сам не брезговал идти по головам ради власти, почувствовал, как по спине пробежал холодок от такого ледяного равнодушия главы. Он впервые всерьез усомнился, правильный ли выбор сделал.

— Мне не нужны бесполезные люди, — Ян Муянь ослепительно улыбнулся. — Даже если человек умеет только развлекать меня — в этом его польза. Сейчас ты мне полезен... Поэтому я проявляю к тебе терпение и снисходительность. Цинь Вань, не разочаровывай меня.

<http://bllate.org/book/17419/1659936>